

Елена Глухова

Автобиографический нарратив в письмах Веры Станевич к Андрею Белому

The Autobiographical Discourse in Vera Stanevich's Letters to Andrei Bely

The article is a study on the relationship between the writer Andrei Bely and the young poetess and translator Vera Stanevich thanks to the study of their personal correspondence. Female correspondence is here considered as an autobiographical set of texts which, in their sub-generic characteristics, can be compared to the genre of the confession letter.

Женский эпистолярный Серебряного века вызывает несомненный интерес у современного исследователя эпохи, предоставляя широкое поле как для гендерных исследований, так и для биографических разысканий. Относительно недавно введенные в научный оборот письма Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, М.В. Сабашниковой, Н.И. Петровской, Л.Д. Менделеевой-Блок (Переписка 2009; Волошин 2013; Волошин 2015; Переписка 2004; Переписка 2017) – являются значимым источником сведений о женщине эпохи модерна. В данной работе нас будет интересовать письмо как форма автобиографического высказывания, в особенности тот случай, когда изложение построено не на

повествовании о повседневном событии, но претендует на аналитическое переосмысление автором собственной биографии. Таким образом, по своей субжанровой характеристике письмо приближается к исповеди, раскрывая один из важнейших аспектов эпистолярной лаборатории как экспериментального жанра. Объектом нашего исследования будет краткая реконструкция на основе односторонней переписки отношений Андрея Белого с Верой Оскаровной Станевич (1890–1967), поэтессой и антропософкой, широко известной современному читателю как переводчица с нескольких европей-

ских языков¹ (Лавров 2017). Сохранилось 44 письма и записки Станевич к Белому, к сожалению, его письма к ней не сохранились вовсе; вообще ее личный архив раннего периода 1910–1920-х гг. представлен довольно скудно, хотя отдельные письма и тексты обнаруживаются в хранилищах РГБ и РГАЛИ; в составе архива ее мужа, поэта и переводчика, Юлиана Павловича Анисимова (1886–1940), сохранилась часть материалов, связанных с ее переводческой деятельностью начиная с середины 1930-х (РГАЛИ). Вместе с тем, ее письма к Белому во многом помогают реконструировать как ранний ‘около-символистский’ период биографии Станевич, так и реконструировать некоторые малоизвестные факты из жизни писателя.

Вера Станевич была дочерью заведующего пензенской

больницей, земского врача Оскара Казимировича Станевича (?–1912); ходили слухи, что

она была не родной, а приемной дочерью пензенского врача Станевича; были довольно обоснованны предположения, что ребенок был подкинут ему из цыганского табора, кочевавшего в тех краях. Цыганские черты можно видеть и в ее музыкальной и вообще художественной одаренности, и в страстности темперамента, и в более глубоких свойствах души – способности любить преданно и жертвенно. И еще одно в ее существо может быть идет оттуда же: черты атавистического ясновидения (Жемчужникова 1988: 18).

¹ Среди ее переводов: Ш. Бронте *Джен Эйр*; О. Бальзак *Первые шаги в жизни*; Л. Фейхтвангер *Безобразная герцогиня Маргарита Маульташ*; Т. Манн *Волшебная гора*; Г. Уэллс *Анна-Вероника*; Дж. Лондон *Маленькая хозяйка большого дома*; Ж. Верн *Таинственный остров*; Э.М. Ремарк *Время жить и время умирать*; И.В. Гете *Эгмонт*; Г. Гейне *Путешествие на Гарц*; Г. Фаллады *Каждый умирает в одиночку*; Дж. Голсуорси; Р. Роллана и др.

Вера Станевич, судя по всему, была девушкой независимой и решительной: она приезжает в Москву, когда ей едва исполнилось восемнадцать и поступает на Высшие женские курсы Герье по философскому отделению, пройдя “строгую школу мысли, сначала классической философии на Высших Женских Курсах, главным об-

разом у Б.А. Фохта, а затем – целиком отдавшись науке антропософии”, – сообщила о ней антропософка и переводчица М.Н. Жемчужникова, –

Редко можно встретить человека, обладающего таким четким, конкретным и в то же время образным мышлением. Широкое философское образование дало ей способность обобщения, но эти обобщения не были абстрактными, а выливались в образы, которые, однако, отнюдь не “витали в облаках”, а всегда выражали собой конкретное содержание того, о чем шла речь. Это был удивительный дар речи, блестящей по форме и богатой по содержанию. [...] Музыкальность натуры и острый ум – две черты, часто противоречащие друг другу, у нее сливались воедино, создавая неповторимое своеобразие личности. Страстная, увлекающаяся натура, полная противоречий и в то же время в чем-то основном непоколебимо цельная (Жемчужникова 1988: 18).

Как указывает А.В. Лавров в публикации, посвященной незаконченному поэтическому сборнику Станевич – она находилась под сильным влиянием личности и творчества Андрея Белого (Лавров 2017: 368–369). Судя по сохранившемуся корпусу писем к писателю – ее характер представлял сочетание юношеской ребячливости со склонностью к серьезному философическому мирозерцанию и живостью ума; воспитанная в семье земского врача на идеалах шестидесятников, она получила прекрасное домашнее образование, владела несколькими иностранными языками; обладала великолепным слухом и прекрасно музицировала. Согласно воспоминаниям К.Г. Локса, Станевич была “талантливой женщиной, с одинаковым рвением занимающейся и поэзией, и прозой, и философией, и теософией” (Локс 1994: 76).

Скорее всего Станевич впервые повстречала Белого на одной из публичных лекций, с которыми он охотно выступал, начиная с середины 1900-х; она начинает писать ему письма в надежде найти повод для личного знакомства. Первое письмо от 20 января 1908 г. сохранилось в архиве писате-

ля, вероятно позабавив его своей непосредственностью:

Мне давно хотелось иметь с Вами какое-нибудь общение, да никак не удавалось, да и ярлычок “писатель” как-то стеснял... Теперь придираясь к следующем случаю, который сам по себе не лишен интереса... Дело в том, что одна компания курсисток очень усиленно занимается спиритизмом (чем только не занимаются теперь, во время революционного отлива) и вздумала вызвать Ваш дух. К их изумлению дух стал читать стихотворения... Так как среди них нет поэтесс, то очевидно стихи были собственной импровизацией духа. Я знаю довольно хорошо все Ваши произведения и там ничего такого не встречала. Привожу их Вам, т.к. это очень забавно. Стихи не совсем удачные².

– Далее следовали стихи, пародийно-курьезно воспроиз-

² Здесь и ниже письма В.О. Станевич цитируются по одному архивному источнику: НИИОР РГБ. Ф. 25. К. 23. Ед. 6.

водившие образный и лексический строй символистской лирики Белого. Нельзя не заметить, что и содержание письма Станевич апеллирует к ряду житнетворческих клише эпохи Серебряного века: курсистки и спиритизм, сочинительство стихов и революционное движение, – демонстрируя не праздный интерес автора к околелитературному быту эпохи.

Белый пользовался популярностью среди студенческой молодежи, например, в записях *Ракурса к дневнику* он отмечал за ноябрь 1908 г., что “совет курсисток педагогических курсов выбирает меня и Эллиса лекторами, но интриги Когана и Айхенвальда заставляют нас отказаться и тем разрешить создавшееся положение” (Белый 2016: 382). Действительно, в этот период вокруг писателя образовалось некоторое число поклонниц из курсисток: Мариэтта Шагинян, тогда тоже слушательница Высших Женских курсов, – познакомилась с ним примерно в это же время (Шагинян 1982); как Шагинян, так и Станевич, были знакомы друг с другом и одновременно были увлечены поэтом-символистом. Вскоре Станевич сняла комнату неподалеку от него, в арбатских переул-

ках, чтобы иметь возможность чаще видаться с Белым; обладая здоровым чувством юмора – однажды явилась к нему под видом своей выдуманной сестры и передала от себя записку. Похоже, что постепенно писатель привык к своей влюбленной поклоннице: она частенько забегала к нему за просто, но поскольку обычно ее не принимали – оставляла швейцару записочки с просьбами: передать книги, или с жалобами, что не застала (и надо сказать – все эти записочки Белый сохранил).

В записях *Ракурса к дневнику* за ноябрь 1908 г. писатель отмечал: “Начинаю вести частую теоретическую переписку с Мариэттой Шагинян и В.О. Станевич (Анисимовой)” (Белый 2016: 382). К сожалению, письма Белого к Станевич не сохранились, но можно предположить, что из любопытства он довольно быстро откликнулся на ее письма. Не будучи уверенной в том, что ее запомнили, в одном из первых писем Станевич старательно описывает себя в образе типичной декадентско-богемной эмансипированной барышни:

Спасибо за искреннее, простое письмо... Поняли меня... Да, мне хочет-

ся говорить с Вами не о внешних вещах, – все это все это слишком большое место занимает в жизни окружающих, а о том, что составляет внутренний мир человека, чем живет его я....

Я хочу Вашей души, потому что она должна быть красива и чутка, потому что она знает творчество. Это с обычной точки зрения очень смело, но я этих оговорок вообще делать не буду; – это зависимость. Моим оправданием служит то, что я говорю как думается, – следовательно <?> подменяет не факт сказанного, а факт подуманного. Я много видела людей и в России, и за границей, много имела отношений – мгновенных и продолжительных – и мой интерес к личностям не ослаблен. Меня утомляют и делают равнодушной – внешности, все, во что люди драпируются, чем стараются <?>. Мне доставляет наслаждение проникать в самые тайники человеческого я, следить и понимать скрытые процессы переживаний на гранях бес-

сознательного... Это конечно не значит 'лазать' в чужую душу. Ведь можно даже не говорить с человеком и понимать, что в нем происходит.

Я могу в иные мгновенья страшно много сказать, 'все' сказать... Когда люди имеют секреты и делают тайны из поступков и мыслей своих – мне делается смешно. Как они еще зависят от окружающего! Пусть все видят меня – мне не нужно удостоверений в подлинности моего я, потому что только я могу назвать их таковыми и <?>.

Вообще я философствую, как <женщина>, первокурсница... Хотела бы еще поговорить, но молчу по очень определенной причине. Сообщу некоторые сведения о себе: зовут меня Верой (пожалуйста без отчества и многоуважаемой), мне 20 лет, учусь на курсах, имею вид обычной 'курсистки', на улице веду себя 'неприлично', не имею ни одной знакомой 'семьи', страшно люблю солнце, Шопэна, Пшибышевского и шоколад. Мне хочется по-

говорить с Вами лично, но...

С истовым рвением Станевич принялась осваивать основы символистской эстетики: в письмах она просит у Белого для чтения книг – роман Арцыбашева *Санин* и книги Блаватской, спрашивает англо-русский словарь, сообщает о чтении Юма и Авенариуса, Канта и Ницше, намеревается писать статью об Ибсене – разумеется, это все был повод для бесед с писателем, под сильным влиянием которого она находилась. В своих воспоминаниях Константин Локс иронически описывал вольный студенческий быт Станевич, снимавшей с подружкой комнату³ и частенько устраивавших веселые молодежные вечеринки: "Вера Оскаровна была своего рода амазонкой и покорительницей сердец. Она училась на философском отделении Высших Женских курсов и была *au courant* всех интересов эпохи. Тут был и символизм, и религиозно-философские искания и даже Кант все вперемежку, все вместе, но именно этот сумбур и делал ее занимательной"

³ Подруга – тоже Вера, в 1916 г. вышла замуж за филолога, философа и антропософа Михаила Павловича Столярова (1888–1937) (Локс 1994:138–139).

(Локс 1994: 45) – “... на столе стояла бутылка какао-шуа, сидели несколько студентов, и Вера Оскаровна в штанишках танцевала кек-уок. Никаких разговоров о несказанном не было [...] Такие вечера начали повторяться систематически и вскоре нельзя было понять, какое отношение к ним, кроме иронического, имеет *Критика способности суждения* лежавшая на столе у В<еры> О<скаровны>” (Локс 1994: 52). Историю ‘коротких штанишек’ обыгрывает Ходасевич в своих воспоминаниях, иронически намекая на одолевавших Белого поклонниц:

Белый в ту пору был в большой моде. Дамы и барышни его осаждали. Он с удовольствием кружил головы, но заставлял штудировать Канта – особ, которым совсем не того хотелось.

– Она мне цветочек, а я ей: сударыня, если вы так интересуетесь символизмом, то посидите-ка сперва над *Критикой чистого разума!*

Или:

– Ах, что за прелесть эта милейшая мадмуазель Штаневич! Я от нее в восторге!

– Борис Николаевич, да ведь она Станевич, а не Штаневич!

— Да ну, в самом деле? А я ее все зову Штаневич. Как вы думаете, она не обиделась?

Неделю спустя опять:

— Ах, мадмуазель Штаневич!

— Борис Николаевич! Станевич!

— Боже мой! Неужели? Какое несчастье!

А у самого глаза веселые и лживые (Ходасевич 1995: 63)

Вдохновленная знакомством с Белым, Станевич задумывает объединение курсисток, с которыми предполагала обсуждать вопросы символистской эстетики, о чем и сообщает в одном из писем: “В субботу состоялось первое собрание кружка, выработавшее план занятий и небольшой устав. На ближайшее время назначены следующие рефераты: 1) о

Брюсове, 2) о Бодлере, 3) о Андрее Белом. Почему мы взяли отдельных писателей для построения теории символизма – я сейчас распространяться не буду. Т.к. следующее собрание в субботу [...] и никто еще реферата приготовить не успеет – назначено собеседование на тему: символизм как цель, или как средство”. Из этой затеи студенческого кружка вышел скорее курьез: когда Станевич попыталась привести к писателю домой, на Арбат, делегацию курсисток – то он попросту удрал с черного хода, запрыгнув в “таинственную карету”. В письме по следам этой истории Станевич возмущалась:

Выяснение случая с кружком – только пояснение к тому, что было для меня непонятного в Вашем отношении ко мне. Поймите, как я не хочу ничего заключать, я только хочу спросить Вас: “Зачем Вы так сделали?” [...] Ведь разве Вы не видели, что к Вам пришла молодежь, как к писателю, как к мыслителю, который услышит и поймет, и даст ответы на те вопросы, с которыми мы так доверчиво приходим к нему. Мы

сказали вам: “учи нас, мы так хотим знать...” И неужели Вы прошли мимо, неужели еще раз подчеркнули пропасть между ‘избранными’ и толпой? [...] И зачем было вообще тогда подходить к нам и уйти не прямо и открыто, а в таинственной карете, законспирировавшись с помощью швейцара?

Довольно скоро тон писем Станевич к Белому меняется, что вполне объяснимо – в этот период развивается его роман с будущей женой Асей Тургеневой; а Станевич все еще остается его горячей поклонницей. В своих ретроспективных дневниковых записях за май 1909 он отмечал: “Приезд Станевич, важный разговор с ней” (Белый 2016: 385), – имея в виду ее приезд в имение Дедово, где тогда гостил Белый. Скорее всего в разговоре были затронуты темы, которыми Белый был тогда всерьез увлечен: он погрузился в изучение истории средневековой алхимии и эзотерической философии – читает Роберта Флюдда, Кунрата, Эккартсгаузена, Элифаса Леви, Агриппу Неттсгеймского, Парацельса; беседует о теософии розенкрейцства с А.Р. Минцловой

и Вяч. Ивановым; пишет 3-ю главу романа *Серебряный Голубь*, размышляя об исторической и мистической миссии России, расположившейся на перепутье между Востоком и Западом. Разумеется, все эти темы вполне могли стать поводом для серьезных разговоров со Станевич, и это не могло не произвести впечатления на юную, философски настроенную барышню; в любом случае, роман *Серебряный голубь* оказал на нее сильнейшее влияние. Позднее, в 1914 г., она напишет в своей статье об этом романе:

Одна женщина в рассказе Рильке говорит о том, что, глядя на великое искусство прошлого она вдруг поняла, что в нем был когда-то Бог и что поэтому он будет опять. То же хочется сказать и о России: Бог о котором вещает заключенная в ней тайна, уже был когда-то [...] И, если, как говорит Рильке, Бог рождается в темноте нашего сердца, то посмотрите в солнечный день на темные впадины Кремлевских стен, и вы поймете, что Бог уже был в России (Станевич 2004: 319).

Постепенно влюбленность в писателя-символиста сменяется у Станевич обожанием духовного учителя – в одном из писем она замечает: “Когда шла от Вас – очень хотела вернуться, и принести Вам несколько белых роз, но нигде уже не могла достать. Ведь у каждого есть своя ‘творимая легенда’”. Это трепетное отношение и выстраиваемая ‘творимая легенда’ отразились в ее неопубликованном стихотворении *Искушение*, помеченном сентябрем 1909 г., с посвящением “А.Б”:

Я знаю с давних детских лет
Твой нежный лик неотразимый;
В душе навеки выжжен след,
Оставленный рукой любимой

Под прахом долгих тяжких дней
Ты не померкнул, не истаял:
Я знал про свет иных огней,
Я встречи близкой смутно чаял.

В моей мечте ты жил один,

Я в путь далекий вышел
рано...
Ты в пепле грез сверкал,
рубин,
Ты жег – пылающая ра-
на!

Когда терялся в облаках
Мой робкий взор, ему
внимая –
Не ты ли слал в его чер-
тах
Тоску<,> восторг и жаж-
ду рая?

Не ты ль сверкал во тьме
божниц
Немым и сладостным
укором,
И в слезах жарких падал
ниц
Я пред его ожившим
взором...

И к Богу сладостной
тропой
Я шел сквозь темный
терн колючий;
И встретил ты; навек со
мной
Дитя и муж, как бог мо-
гучий!⁴

⁴ Подборка нескольких стихотворений Станевич и один рассказ, переписанные набело – сохранились в фонде Вяч. Иванова (РГБ. Ф. 109. Карт. 4б. Ед. хр. 34). Вероятнее всего материалы оказались у него около 1913 г., когда они с Анисимовым готовили издание Рильке.

Отметим как значимое – появление мужского лирического 'Я' в стихотворении Станевич – явление достаточно распространенное в женской поэзии Серебряного века (ср., напр. 'мужской' псевдоним Зинаиды Гиппиус и мужской коррелят лирического 'Я' в ее стихотворениях). Станевич не только в лексическом смысле примеривает мужское лирическое 'Я', но и стилистически копирует Андрея Белого, становясь, таким образом, его своеобразным alter ego.

Летом 1909 г., по следам разговоров с Белым, Станевич пишет ему исповедальное письмо, наполненное размышлениями о процессе выявления и вырастания собственной личности; приводимые ею интеллектуальные источники крайне важны для понимания образа эмансипированной женщины начала XX в. – ее круг чтения – это *Исповедь* Л.Н. Толстого, книги Ренана; усвоенный с юношеских лет нигилизм как стиль мышления; народнические идеи общественного служения и необходимость революционных преобразований российской государственности – все это восходит к эстетике поколения 'шестидесятников', разрушившего некогда прочные устои патриархальной про-

винции. Позволим себе целиком процитировать письмо-исповедь Станевич, как образец автобиографического нарратива женского эпистолярия рубежа веков:

Для меня стало совершенно необходимо написать Вам... Продолжить и закрепить возникшее, или, быть может, разрушить его навсегда, – сказав недосказанное, выяснив то, как я мыслю и переживаю и чего ищу. Я не знаю, достигну ли хоть отчасти цели, которую Вы мне поставили, отвечу ли достаточно полно на вопросы, которые Вы хотели мне задать, и будут ли это ответы... Все же я пытаюсь дать хоть материал, по которому, быть может Вы узнаете кто я и можно ли мне верить. В этой неспособности дать Вам полный очерк моего 'я' сказывается некоторая безграмотность смущенной, еще не познавшей себя души, а я еще более не знаю Вас.

И все же я пишу о том, что мне кажется самым важным, что прежде всего бросается в глаза, ко-

гда я перелистываю страницы прожитой жизни; – да, в письме легче побороть боязнь слов. Прибавлю еще, что, говоря преимущественно о прошлом, я пытаюсь передать его совершенно независимо от тех выводов, которые могли возникнуть за последнее время, дав мне новое понимание и освещение прошедшего моего существования. И если будут совпадения в выраженьях – они случайны, т.к. последние взяты из заметок прежних годов.

Если я спрошу себя, какими главными мотивами были проникнуты с детства мои искания – я увижу два: один – ясный, определенный и безусловный, другой – тайный, стыдливый, всегда пробуждающий сомнение в своем праве на существование и все же – всегда живой и в решительные мгновенья подчиняющий себе мою волю. И оба сливаются в одном – в принципе действия. Первый – вопрос о хорошем и дурном в их непосредственной связи с жизнью, в воплощенье

в поступках людей. – Первое затребование [Так! – Е.Г.] пробуждающегося сознания: “Что хорошо и как жить, чтобы осуществлять хорошее?” С этой, исключительно этической стороны подходила я к каждому миропониманию, и этим стремлением иметь хоть какой-нибудь критерий поступков объясняется подчас слишком торопливое согласие с той, или иной теорией, известный фанатизм и со стороны совершенно понятные противоречия между вчера и сегодня, которые должны были быть искуплены, как только найдется настоящая правда. До 15 лет переживалась полоса обычного романтизма (к которому так по-иному возвращаешься теперь) с порывами к творчеству, смутными мечтами о подвигах и великих жертвах, нездешних прекрасных переживаниях. От Бога я ушла рано – атеистически воспитанная, с привитым обычным отношением к науке и метафизике. Решив из гордости и самолюбия отказаться от помощи и по-

кровительства – я вообще решила обойтись без него, и до болезненности не выносила всякого напоминанья о нем. Имевшееся еще входячем пониманье христианство, – в качестве совокупности известных принципов жизненного “деланья” или вернее “неделанья”, как думалось тогда, – под влиянием первых “настоящих” книг вроде “исповеди” Толстого, Ренана и др. – подверглось той же участи и все лучшие духовные силы были на многие годы заглушены. И нескоро был возврат к себе, к свету, сиявшему в детстве. Все что только мог причинить вредного материализм нашло себе место в моей пятнадцатилетней голове. Все же я не могла не наименовать своей “религией”, открывшийся мне тогда социализм, удовлетворявший не только самым далеким и смутным затребованиям, но и дававший программу *minimum* – каждодневный ритуал. Наконец могло быть “дело” – долгожданное изменение жизни – был найден ис-

ход жажде жертвы, отдавая себя за что-нибудь. Конечно, близкое засло-нило дальнее, и скучен был обряд, почувствова-лись путы. Только искус-ство, которое мне было запрещено, и от которо-го я сама отказалась в пору разрушительной горячки, только лишен-ное того, что составляло главную часть моей ду-ши, самую дорогую и со-кровенную: только отре-чение от простоты заста-вило меня вернуться от-туда, где мне так долго виделась красивая жизнь и красивая смерть.

И ближнее заслонило дальнее. Все еще верная идеалам я ушла от бор-цов, утративших после короткой вспышки все вдохновенье, всю после-довательную революци-онность каждого поступ-ка, внесших в свою обы-денную жизнь узость, безволие и мещанство. Казалось необходимым углубить и возвысить отношенье каждого к ра-боте, сделать революцию религией. И сама я ушла, считая себя недостаточ-но чистой и богатой для великого служенья (я пишу об этих подробно-

стях, чтобы выделить одно, т.к. сами по себе он слишком типичны и не интересны, и все, что возможно, я опускаю). И я увидела, что “лучшие” притворяются и лгут, и делают не по свободному хотенью, а для выполне-нья долга, часто с от-вращеньем и страхом. А про остальных и гово-рить не приходилось.

Все делали не то, что хо-тело их ‘я’, боялись быть собой, и лгали каждым словом, каждой мысль лгали. Высшим выраже-нием этого отношения были для меня слова Бранда: “Не в том спасе-нье, чтоб на кресте в страданьях умереть, но в том, чтобы этого ‘хо-теть’”⁵. А отсюда – ис-кренность, правдивость во что бы то ни стало – быть, а не казаться. Я стала презирать людей за то, что они были тру-сы и лжецы, и где-то очень далеко любила их, мечтая о том дне, когда я с радостью брошу им для их спасенья свою душу, и они пройдут по ней, по-тому что они будут

---

⁵ Цитата из пьесы Ибсена *Бранд* (действ. 3-е), в переводе Анны и Пет-ра Ганзен.

больше меня. Это было в последнем классе гимназии. И от этой сети лжи мучительной и ненужной от обыденной жизни, которая мне делала очень больно – я ушла <к> красивым напевам, стихам, к мгновеньям ярких, красивых чувств. Это был нехороший год упадка сил и скитанья по всяким запутанным тропинкам; год бесплодных вспышек и ненужных пустоцветов. Стало ясно наконец к чему пришли окружающие с теорией “свободного падения” обращавшейся на служенье и оправданье всякого рода влечений и минутных <?>. Все было только в мысли, в фантазии и ничего в жизни нелепой и мучительной. Столько красоты и ни одного красивого поступка. И тогда от всей этой мишуры, украшавшей жизнь, от всего этого культа «мгновений», на меня пахнуло смертью и застоем, безвоьем и слабостью.

Я увидела, что высшее искусство – искусство жить. (С тех пор я все еще боюсь слов). Переживающий прекрасное

должен быть прекрасным в каждом незначительном изгибе своей жизни и только тогда исчезнет дисгармония между красотой в искусстве и человеческим существованием. И тогда я замкнулась от всех и пошла в философию искать ответов. Но там было последнее искушение, последний соблазн – с первых возвышенностей предгорья я поняла, что не найду желанного, а пройдя трудный путь быть может только приближусь. Это было последний год. Я не буду касаться по возможности подробностей; только в конце. Последние дни перед моим просветлением, когда уже жизнь встала для меня во всей очевидности своей ненужности – я отказалась от Вас – от последнего с чем была еще связана моя радость, моя любовь, – отказалась от мысли когда-либо стать для Вас чем-нибудь. Это был отказ в самом большом. – Я творила любовь свою долго и нежно, и все лучшее, сбереженной для нее отдавала ей. И в часы тихого успокоенья

в <?> безнадежности, во мне все стало умирать. Умерла и жизненная суета и уже ничего не было. А потом и пролилась на меня голубая тишина, и родилось, и стало расти мое обновляющее светлое, примиряющее навсегда изменившее линию моей жизни – счастье. Тут выяснился второй мотив. Эта впервые в 7 лет осознанная предопределенность к чему-то. В детстве это было удивительно ярко и убедительно, потом за мусором жизни потускнело и лишь временами вспыхивало неумолимо перед необходимостью выполнить задание. Теперь душа многое поняла и увидела, но это относится уже к настоящему – я же хотела говорить лишь о прошлом. Наконец я кончила пересказ моих прежних мыслей и чувств. Если нужно более подробные ответы, – скажите, я с радостью дам их. Простите за громоздкость изложения – но мне хотелось сократить даже самый язык, чтоб было ближе к правде.

С конца 1909 г. при ‘Мусагете’ образуются по меньшей мере два идейных центра – кружок под руководством К.Ф. Крахта и Эллиса (Эллис читал там лекционный курс о французском символизме – Бодлере, Верлене, Верхарне, Роденбахе и Метерлинке), и параллельно с этим – кружок ‘Экспериментальной эстетики’ (или Ритмический кружок) под руководством Белого (Протоколы 2014; Мусагет 2014). Мусагетские мероприятия с энтузиазмом посещала молодежь – в основном гуманитарное студенчество, пишущее стихи и увлеченное литературой и искусством; эта группа известна как ‘Молодой Мусагет’: Сергей Дурьин, Алексей Сидоров, художник и поэт Юлиан Анисимов, Татьяна Буткевич, Семен Рубанович, Михаил Сизов, Сергей Шенрок, Дмитрий Баранов (Рэм) и др. (Шруба 2004: 127). Ср. в воспоминаниях Белого: “формировался при ‘Мусагете’ кружок для изучения ритма; кружок должен был работать под моим руководством [...] среди прочих, вступивших в кружок, мне запомнились: Сергей Бобров, Чеботаревская (сестра А.Н.), Чеботаревский, Нилендер, В.О. Станевич, П.Н. Зайцев; и – ряд других лиц; появлялся у нас молодой поэт Пастернак”

(Белый 1997: 356; также: Белый 2016: 808).

Участвуя в работе кружка 'Экспериментальной эстетики', Станевич всерьез увлеклась ритмическим разбором стиха по методу Белого, занималась статистикой пятистопного ямба у Брюсова и Лермонтова. Ответственно подойдя к своему заданию, она и летом 1910 г., когда кружок ушел на каникулы, продолжила работу над проблемами ритма; ее письма этого периода к В.Ф. Ахрамовичу и С.Н. Дурылину демонстрируют глубокое проникновение в суть стиховедческой дисциплины (Протоколы 2014: 462–463)⁶. Локс вспоминал: "Вокруг Веры Оскаровны скоро образовался вихрь, где она была чем-то вроде центрального светила. В этом кругу молодых людей, то есть поэтов и будущих, как им казалось, знаменитостей, все чаще повторя-

⁶ В дальнейшем теория ритма Белого оказала существенное влияние на концепцию перевода, которую Станевич разрабатывала в 1950–60-е годы (Станевич 1971). Срвн., например, близкие к темам Белого (в его работах *Ритм как диалектика и Медный всадник* и *Мастерство Гоголя*) высказывания: "именно ритм расставляет по местам элементы изобразительности, подчиняет их единству замысла, придает им эмоционально-мелодический разбег и устремленность" (Станевич 1971: 83).

лось слово 'Мусагет'. Андрей Белый по вечерам вел там занятия по ритмике и В.О ревностно изучала 'кривые' и 'крыши', запечатленные потом в книге 'Символизм'" (Локс 1994: 52). В этот период Станевич пишет стихи, которые предлагала для *Антологии* лирики, издававшейся 'Мусагетом'. Однако, ее стихи, так же, как и стихи Анисимова, были отклонены, хотя и сохранились в редакционном портфеле 'Мусагета' (Дурылин 2014: 406).

В конце 1910 г. Станевич жаловалась Белому, уехавшему с Асей Тургеневой в итальянское путешествие, – на разногласия, возникшие в Ритмическом кружке:

После Вашего отъезда, неделя, проведенная мной в Москве (= Мусагете) была крайне неприятной. [...] Первый случай пустой и ничтожный показал, что мы не знаем друг друга, даже может быть не знаем, с кем имеем дело, и назревавшее за эти три месяца скрытое разделение – теперь совершенно ясно. Как раз незадолго до истории с журналом у меня собралось несколько "молодых" и обсуж-

дался вопрос о том, что нет в Мусагете между нами желанного объединения и внутренней близости, что нужно нам встречаться вне занятий, устанавливать такие отношения, при котором выяснилось бы кто из нас “об одном”... Но это меньшинство: большинство же, – Сидоров, Дурылин, Шенрок и т.п. – очевидно в этом потребности не ощущали... В сущности – они – “львовцы”, –мы – “Бугаевцы” [...] После этой истории мы стали совсем чужими друг другу. Я предчувствую, что Бугаевцы будут очень одиноки после Вашего отъезда. Есть “Бугаевцы” и вне ‘Мусагета’. “Бугаевец” любит Вас нежно и преданно: он мечтает о кольце людей, охрняющем Вас... от чего? Он и сам хорошенько не знает... Много можно было бы сказать про тех и других.

Это был переломный момент в отношениях с писателем. В 1911 г. Станевич выходит замуж за молодого поэта, художника и начинающего переводчика

Юлиана Анисимова⁷; их первый литературный дебют состоялся в 1913 г., в поэтической антологии *Лирика*, где дебютировали и молодой Борис Пастернак и Николай Асеев (Лавров 2017: 369; Дурылин 2014: 406). Станевич вместе с Анисимовым пробует себя на переводческом поприще; помогает мужу в переводах из немецкой поэзии: в 1913 г. Анисимов под редакцией Вяч. Иванова издал книгу переводов из Р.М. Рильке (Азадовский 2006); затем они вместе переводили Моргенштерна (*Песни висельника*, а также его антропософскую лирику). Начиная с 1913 г., когда супруги Анисимовы поселились по соседству с особняком М.К. Морозовой – они вместе посещают заседания Московское Религиозно-Философское общества; кроме того, по соглашению с М.К. Морозовой, Станевич переводила книгу Шеллинга *Философия откровения* для книгоиздательства ‘Путь’ (Локс 1994: 143). С 1911 г. Станевич и Анисимов становятся завсегдатаями московского антропософского

---

⁷ После революции Ю.П. Анисимов служил во Всероссийской коллегии по делам музеев при Наркомпросе (1918–1927), занимался искусствоведением, был одним из хранителей Третьяковской галереи.

кружка, где читались записи лекционных курсов Штейнера. Антропософия сблизила интересы Белого и Станевич, вывела их отношения на иной уровень. В 1916 году, совместно с К.Н. Васильевой, Станевич намеревалась создать общество 'для изучения сознания', вела кружок по книге Штейнера *Христианство как мистический факт и мистерии древности* (Жемчужникова 1988: 17). В июле 1917 г. Белый уехал в подмосковное имение антропософов Б.П. и Н.А. Григоровых – Поваровку, а неподалеку, в Петровском (и поблизости от имения Дедово), – снимали дачу Анисимовы, поддерживавшие тесную дружбу с семьей Сергея Соловьева. Во время одного из визитов на дачу к Анисимовым в Петровском – произошла “встреча по-новому, ясному, прекрасному” Белого с уже знакомой ему прежде К.Н. Васильевой, которая вскоре станет его второй женой; тогда же, у Анисимовых, он прочел свое изложение 5–го *Евангелия* Штейнера⁸ (Белый 2016: 436). Московская квартира Анисимовых, находившаяся в Мертвом переулке, была одним из

⁸ В октябре 1913 г. Р. Штейнер прочел курс лекций *Из хроники Акаши. Пятое Евангелие (Aus der Akasha-Forschung. Das fünfte Evengeliem)*.

мест встреч антропософов⁹ – ср.: “частые собрания у Анисимовых и у меня (еще живу на Арбате)” (Белый 2016: 439); писатель выступал там с чтением своих произведений, например, в октябре 1917-го – прочел отрывки из только что законченной *Глоссолатии* (Белый 2016: 437). Белый помогал и в обустройстве публикации стихов Анисимова и прозы Станевич, рекомендовав их Иванову–Разумнику для 3-го сборника «Скифов», но поскольку эта книга не вышла, то они были напечатаны в газете «Знамя труда» (Иванов–Разумник 1998: 155). В письме к Асе Тургенева от 21 февраля 1918 г. он сообщал: “Из нашей антропософской молодежи очень выровнялись и подают надежды: Михаил Петрович Столяров, Вера Оскаровна Анисимова, особенно Клавдия Николаевна [...]” (Иванов–Разумник 1998: 258).

С 1921 г. Станевич вместе с другими антропософами (Андрей Белый, Т.Г. Трапезников, М.П. Столяров, М.В. Сабашникова, А.С. Петровский) – входит в Ломоносовскую группу Московского антропософского общества. В 1922 году внутри этой антропософской общины

⁹ По выражению Локса – антропософы свили “прочное гнездо в квартире Анисимовы” (Локс 1994: 136).

начинает ощущаться недостаточность прежних форм социального взаимодействия, да и по условиям времени приток новых членов сильно сокращается. Тогда Станевич предлагает освоить новую форму общения, назвав ее 'вольным содружеством':

Она находила, что Вольфила слишком "академична" и "философична" и что теперь нужны другие, более "демократичные" формы духовного общения, более широкие как по кругу вопросов, так и по составу участников. Она сказала. Что еще в дореволюционное время, когда она училась на Высших Женских курсах, в Москве существовала чайная, куда приходили люди из самых разных слоев "простонародья", желавшие поговорить и поспорить о "вере" – сектанты различных толков, староверы и православные, толстовцы и одиночки – "искатели веры" (Жемчужникова 1988: 40).

Название группе также придумала Станевич: 'Вольное содружество духовных течений'; за поддержкой они обрати-

лись к толстовцам, теософам и в Христианский Студенческий союз; по большей части в 'содружестве' принимали участие молодые люди, 'анархомистики'. Не имея четко обозначенной идейной платформы, общество через год прекратило свое существование (Жемчужникова 1988: 40–45), тем более, что с 1923 г. в Советской России были фактически запрещены все эзотерические кружки и объединения; в том числе, Антропософское общество собиралось тайно, в квартирах участников¹⁰.

В пореволюционные годы (1918–1919) Станевич недолгое время служила в Румянцевском музее, куда ее вероятно устроил антропософ А.С. Петровский, занимавший должность сотрудника и хранителя библиотеки. С середины 1920-х ее биография приобретает все более официальные черты, она отходит от участия в антропософском обществе, обвинявшего ее в измене идеа-

---

¹⁰ Срвн. показания на допросе в ОГПУ А.С. Петровского 18 марта 1924 г.: "После того, как общество было распущено, мы, члены его, продолжали собираться то у одного, то у другого на квартире как частные знакомые между собою люди [...] приходили на собрания: Андрей Белый, Васильева Клавдия Николаевна, Анисимова Вера Оскаровна [...]" (Иванов-Разумник 1998: 306).

лам духовной науки (Жемчужникова 1988: 20); по некоторым сведениям, в 1930-е годы Станевич также входила в периферийный круг ордена Тамплиеров (Орден 2003: 40). В 1934 г. от скарлатины внезапно умирает ее сын, а вскоре и муж. Из документов этого периода сохранилась в основном ее переписка в связи с переводческой деятельностью: долгое время Станевич была сотрудником секции переводчиков Союза писателей СССР. Полагаем, что дальнейшее обследование ряда частных антропософских архивов и фонда Ю.П. Анисимова в РГАЛИ может добавить дополнительные штрихи к биографии Веры Станевич, женщины эпохи Серебряного века¹¹.

---

¹¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

Библиография

Азадовский 2006: К.М. Азадовский, Вячеслав Иванов и Рильке: два ракурса, «Русская литература», 2006, 3, с. 115–127.

Белый 1997: Андрей Белый, О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи, вступ. ст., сост., подг. текста, комм. А.В. Лаврова, Автограф, М., 1997.

Белый 2016: Андрей Белый, Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930–х годов, сост. А.В. Лавров, Дж. Мальмстад; научн. ред. М.Л. Спивак, Наука, М., 2016 (Литературное наследство, т. 105).

Волошин 2013: М.А. Волошин, Собрание сочинений, Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга первая. 1903–1905, Эллис Лак, М., 2013, т. 11, кн. 1.

Волошин 2015: М.А. Волошин, Собрание сочинений, Переписка с Маргаритой Сабашниковой. Книга первая. 1906–1924, Эллис Лак, М., 2015, т. 11, кн. 2.

Дурылин 2014: С.Н. Дурылин, Комментарии к «Антологии», публ., комм. М.Ю. Гоголина, А.И. Резниченко // Книгоиздательство «Мусагет»: история, мифы, результаты. Исследования и материалы. Сб. статей, РГГУ, М., 2014, с. 347–413.

Жемчужникова 1988: М.Н. Жемчужникова, Воспоминания о московском антропософском обществе, публ., пред., комм. Дж. Мальмстада // Минувшее, Феникс, М., Вып. 6, 1988, с. 7–53.

Иванов–Разумник 1998: Андрей Белый и Иванов–Разумник, Переписка, публ., вступ. ст, комм. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада; подг. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. Atheneum–Феникс, СПб., 1998.

Лавров 2017: А.В. Лавров, Ранние стихотворные опыты Веры Станевич // Окно из Европы. В 80–летию Жоржа Нива, Три квадрата, М., 2017, с. 367–389.

Локс 1994: Константин Локс, Повесть об одном десятилетии (1907–1917), публ. Е.В. Пастернак, К.М. Поливанова // Минувшее, Atheneum–Феникс, М. – СПб., Вып. 15, 1994, с. 7–162.

Мусагет 2014: А. Резниченко (сост.), Книгоиздательство «Мусагет»: история, мифы, результаты. Исследования и материалы. Сб. статей, РГГУ, М., 2014.

Орден 2003: Орден российских тамплиеров: в 3 тт, публ., вступ. ст., комм. указатель А.Л. Никитина, Минувшее, М., 2003, Том I. Документы 1922–1930 гг.

Переписка 2004: Валерий Брюсов – Нина Петровская. *Переписка: 1904–1913*, Новое литературное обозрение, М., 2004.

Переписка 2009: Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева–Аннибал. *Переписка: 1894–1903*, Новое литературное обозрение, М., 2009, т. 1.

Переписка 2017: А.А. Блок – Л.Д. Менделеева–Блок. *Переписка 1901–1917 гг.*, ИМЛИ РАН, М., 2017.

Протоколы 2014: Андрей Белый. *Ритм как диалектика и “Медный всадник”*, вступ. ст. Д.О. Торшилова; подг. текста, комм. Е.В. Глухой, Д.О. Торшилова, Изд-во “Дмитрий Сечин”, М., 2014, с. 230–251.

Станевич 1971: В. Станевич, *Ритм прозы и перевод // Вопросы теории художественного перевода*, Художественная литература, М., 1971.

Станевич 2004: В. Станевич, *О “Серебряном голубе” // Андрей Белый: Pro et contra*, сост., пред., примеч. А.В. Лаврова, РХГИ, СПб., 2004, с. 310–319.

Ходасевич 1995: В.Ф. Ходасевич, *Андрей Белый // Воспоминания об Андрее Белом*, Республика, М., 1995.

Шагинян 1982: М. Шагинян, *Человек и время. История человеческого становления*, Советский писатель, М., 1982, с. 239–247.

Шруба 2004: Манфред Шруба, *Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь*, Новое литературное обозрение, М., 2004.